
Людмила Сурова

ЗЕМНОЕ – НЕБЕСНОЕ

Поэтические зарисовки 2018–2019

Москва 2020

Сулова Людмила Васильевна

Земное – небесное. Поэтические зарисовки 2018 – 2019.
Авторское издание, 2020. 54 стр.

ISBN 978-5-9908620-8-1

Новая поэтическая книжка Людмилы Суловой включает поэтические зарисовки в стихах и прозе. Эти сколки жизни пронизаны множеством ассоциаций и воспоминаний и вместе составляют единое драматургическое пространство книги. Представлены записи двух лет, но за счет этих ассоциаций время действия значительно расширено. Книга остра по темам, но не едка по языку; автор привержен традиционной стилистике русского реализма в его классическом переплетении с поэтикой советской эпохи. Постмодерн не коснулся ни художественной ткани зарисовок, ни идеологии автора, который остается в открытом диалоге с читателем и жизнью.

Книга будет интересна всем любителям поэзии и прозы малых форм.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Бывают легкие книжки. Выныривает из записок как-то сама собой, вберет в себя разрозненные листочки, заметки, файлы с рабочего стола, которые не открывались, сама подскажет название, картинки, и вот, ставит нас перед фактом – я есть.

Вы думали, жизнь пронеслась мимо, что прошло, прошло? Нет, я многое успела схватить, может быть, не все, летописи сейчас не пишут, но теперь вам точно не удастся забыть то, что вы намеревались, не удастся опустошить память, обнулить счета и каждый день начинать с чистого листа, как нам велят. Бесснежная московская зима гонит отчаявшихся к чужому солнцу. Возьми меня в дорогу, и на чужбине родной стороны выйдешь живым из лабиринта постов и игр. А дальше будешь смотреть вокруг сам, маленький братец.

Застыли флоксы разноцветным дымом,
И роза кустовая сеет свет...
Как человеку ощутить себя любимым,
Когда, как шабаш, над страной — вихри бед?!
И сердце обжигают, и томят,
Вот-вот лик Божией Матери затмят.

Авг. 2019

ФЕОДОСИЙ

Дорогой батюшка, здравствуйте! Не могу вам не написать о том, что со мной произошло сегодня. Утром была в главном соборе Пятигорска, Спасском, потом у памятника Лермонтову, он там рядом. Памятник очень хороший, 1886 г., поэт там такой задумчивый и куда смотрит — непонятно, в будущее ли, в небо ли?.. Потом пошла по городу, у меня была цель, так как я забыла дома перчатки, надо было найти какой-то магазин. Но, конечно, иду по городу и смотрю во все глаза на дома, на склоны, холмы, они там все очень культурно оформлены в центре, но замечаю и признаки нищеты, разорения, аккуратно скрываемые.

Перехожу на улицу Власова (не знаю какого). Здесь одно-этажные убитые халупы, а рядом собор гигант, парадное Православие. Иду, фотографирую крыши — и вдруг кто-то тронул за правое плечо. Оборачиваюсь — мужчина в пиджаке лет... 40–50: «Ты не забудь меня навестить, обязательно зайди ко мне, (дальше какое-то слово, «красивая» или «пригожая», что-то хорошее), а потом — «стюардесса». (Сейчас вот подумалось, может, поэтесса? Так звал меня один шахматист-пьянчужка, сосед сумасшедшенький: «Здравствуй, поэтесса!»)

И этого, я тоже, приняла за ненормального, любовь ко мне всех необычных, восторженных и униженных жизнью известна. Он и похож был на такого: бомж или бродяга по призванию, одежды не видно, но веселый, легкий. Я отвернулась, опять продолжаю фотографировать. Потом посмотрела, он перешёл дорогу и остановился, как будто ждёт меня, я двинулась в его сторону, думаю, может, какая помощь нужна, а сама, конечно, понимаю, что тут не так всё просто. Перехожу на его сторону и иду в том же направлении, что и мой знакомец. Думаю, вот в этот дом сейчас, наверное, зайдет, — нет, прошёл мимо, ну тогда вот в этот двор свернет — опять нет. Иду метрах в 30-ти сзади него, тут перекресток, улица поворачивает — и вдруг он исчез. Смотрю туда, сюда — нет. Ну, я и успокоилась, никуда, стало быть, спешить не надо, продолжаю просто бродить — и вскоре забыла об этом.

Перчатки купила и вообще много всего посмотрела, успела и к обеду в санаторий. Потом бухнулась на кровать, достала житие Феодосия Кавказского, которое купила в соборе и... ахнула: на иконе лицо моего знаконца. И тут меня как обожгло, все стала припоминать, одно слово только забыла: красивая, хорошая... но почему стюардесса? Потому, что я была в серой норковой высокой шапке и в шубке из нерпы? Растревожилась, сказать не могу как. Прочитала житие: он, оказывается, в конце жизни, уже в советские годы, после ссыл-

ки юродствовал, ходил по улицам, всех предупреждал о разных опасностях...

Вы ведь знаете, бабушка, как я могу все придумать, и то, чего и нет, увидеть. Сейчас вот после ужина вошла в Интернет, ищу, где мощи Феодосия Кавказского, нас вчера звали на экскурсию к нему, но ехать не получилось. Вот нашла: мощи перенесли в новый Покровский собор Минвод (45 мин. от Пятигорска на электричке), там он и жил последние годы, и почил, там же есть и могила на кладбище, где он лежал раньше.

По ссылкам ищу собор, дорогу до Минвод... и вдруг фотографии Феодосия нахожу! Ну тут уж никаких сомнений - это мой исчезнувший и позвавший к себе знакомец! Вот так. Может, не надо было это вам раньше времени рассказывать, но ваш звонок тоже меня немного растревожил, все ли вы мне сказали, не случилось ли чего дома, все нормально? И надо ли менять обратный билет: поезд на самолёт? Стюардесса... Да нет, поэтесса, конечно...

А после обеда день все светлел и светлел, облачность начала рассеиваться, точнее, светиться изнутри, и показался диск солнца, не жёлтый, а серебряный, и такой же белый свет стал разливаться над городом, и из моего окна стала видна двугорбая гора.

Неужели Эльбрус?! Солнце справа от него на почтительном расстоянии, а по высоте они на одном уровне. И такой небесный свет стоял до четырёх часов дня, потом

начало смеркаться, но тоже по-горному. Этот небесный свет спустился к подножию горы, она была как мираж, висела в воздухе на жемчужной подушке. Но это длилось недолго, туман набухал, чуть темнел и покрывал собой всё, облако съело сначала гору, потом высокие деревья, дома, ели вокруг санатория — город скрылся в священном омофоре грядущего воскресения, мы вошли в праздник, сами того не зная и не чувствуя, не все ведь смотрели в окно.

PS

У мощей была. Местные недовольны, что их с кладбища перенесли в собор. Одна женщина мне говорила с нескрываемым осуждением: «Как это человека разделили на части, туда рука, туда голова?». Ее восприятие мощей было как живой силы, оставшейся в теле, или как самого человека, просто умершего — тело ведь не делим! нельзя! грех! Это было целомудренное переживание святости как целого Божиего творения, без тени язычества — она ничего себе не просила.

Никогда раньше я не задумывалась, что частицы мощей берут от целого, и конечно, в этом есть, она права, что-то потребительское. Везли Николу в Москву, все передачи вещали про его нижнее ребро, самое близкое к сердцу: и как его брали, и вот теперь оно у нас — смотрите все! Жутко Николе, поди, от такого массового внимания к его ребру?

Вспомнилось, как в прошлом году после семинара один батюшка седовласый спросил, что я могу сказать о духовном возрождении России? Дело было за обедом, я опоздала, он уже был сыт, и пока я жевала, обдумывала ответ, чтобы не смутить старца. Никаких признаков духовного возрождения, говорю, не наблюдается. Он изумился — как?! Растерялся даже. Две милые женщины за столом тоже возмутились: «Мы, когда в Москву приезжаем, идем в парк Зарядье, с новой смотровой площадки над рекой столько храмов видно! Весь Кремль как на ладони — вот она, Москва златоглавая, Святая Русь! А раньше этого ведь не было!»

«А вы съездите на кладбище к Феодосию, — говорит моя проводница по Минводам, заметив, что я не тороплюсь к поезду, — это не очень далеко, мы часто его навещаем. Автобус ходит, есть расписание, правда, не допоздна».

Навещаете? Так вот куда ты звал меня, Феодосий: «Ты должна меня навестить!» — всплыло в сознании. Народ почитает могилку больше собора с мощами, место, где лежал святой угодник их земли для них дорожке и... честнее. Среди своих воинов и матерей, среди подвижников врачей, тружеников ученых, среди камнетесов, угольщиков, садоводов, среди тех, кто боролся за право считаться человеком, кто был расстрелян и замучен, — среди людей положили они и своего святого. Там нет блеска паникадил и стройного пения и вообще

никакого парада благочестия — но там ожила земля драгоценной ношей, там сердца приходящих чувствовали тепло и любовь святого, душа которого не оставит же попечений о родном крае.

Земля — священное наше переживание, и здесь оно соединилось с преклонением перед святой жизнью, освятилось новым, духовным, только человеку свойственным светом святости. Для людей земля святой могилы стала частью той новой обетованной земли, о которой говорили и пророки, и апостолы: «Мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда». (2 Петр. 3,13). Душа святого — то самое новое небо, а земля — вот она, припади к могиле праведника — услышишь грядущее.

Через год обнаружила иконку Феодосия на окне нашего деревенского храма — теперь ты пришел меня навестить, да?

Дек. 2017

Белая птица парит,
кружится в небе.
Крупная. Что это?
Уже круги, уже.

Прямо ко мне спускается. Что это?
Лик обретает ясный
юноши светлого,
русоволосый, сыновний.

Вровень со мною. Что это?
камня ль коснулся, цветка ли?
стал на дорожке садовой.

Руки ко мне протянул,
Что это? вестник небесный.
Руки свои подала —
Здравствуй, Господь!

Чуть холодны оказалась
прозрачные длани,
Что это? Будто в ключе студеном
были омыты.

Дланью такую
не треплют коней гривы,
 дев не ласкают,
 с древа плодов не снимают.

Что это вдруг тишина
 вокруг воцарилась?

Что это солнца не видно,
 нашего солнца?

Что это сердце
 грустью и радостью плещет
 одновременно?

Что это? В путь ли велишь собираться?
 В новые дали?

Или стоять утверждаешь
 на дедовом этом причале,
Где ни на дно ни уйти,
 ни за любовь угнаться.

11 июня 2018

ВЫЙДЯ ИЗ ПУСТЫНИ

Выйдя из пустыни, Иоанн Предтеча начал проповедовать покаяние, изменение ума. Почему? Что послужило причиной, какое откровение он получил в пустыне? Сказано: при первосвященниках Анне и Каиафе был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне. И он пошел по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов (Лк.3:2-3). А у Матфея: покайтесь, ибо приблизилось царство небесное. И ещё в другом месте: царство небесное внутрь вас есть.

Иоанну в пустыне, видимо, дано было откровение об изменении человека после грехопадения. Распался благодатный союз ума, чувства и тела — царство жизни; торжество умного расцветания и умножения жизни сменилось «не собственно бытием» — всё перешло в страдательный залог: не сам теперь делает, а ему делают. Его воля перестала быть ведущей в жизни, теперь он ведомый. Кем? Вспышками своих смятённых чувств, блужданием ума, сменяющимся молниями категоричных умозаключений, постоянными нуждами раненого грехом тела.

О каком царстве говорит Иоанн? Какое царство приблизилось? Первое наше царство, как первое небо, это согласие наших живых частей: единство ума, чувств,

воли и желаний тела. Это первое царство действительно внутри нас, но мы такими себя не знаем, бывают мгновенья, когда разлад внутри нас вдруг сменяются союзом, но сами мы достичь этого единства наших живых частей не можем, нужен Божий огонь благодати, чтобы спаять всё воедино.

В грехопадении человек утратил это царство, но не навсегда, оно, как Атлантида, ушло на дно, вглубь его, утонуло в различных хотениях, мы его и не видим, и не ощущаем, и не ищем. Иоанну же это первое царство открылось. Творя дело нашего спасения, Бог дал ему первому вкусить от Своей благодати: на миг, может быть, срослись воедино в нём все разъятые части — дух, душа и тело слились в высоком теплом родстве особой живой тишины. И власть обрел ум, и силу — воля, и упоенность и исполненность — чувства; высветился путь духу — куда ему расти и куда вести весь священный корабль человека.

Когда же отступила благодать и вернулось прежнее состояние и опять тьма занавесила солнце жизни, жесточайшая драма, разрывающая нас изнутри, стала Иоанну предельно и невыносимо ясна — вот тогда и раздался вопль: «Покайтесь!» Грех заслоняет царство! Покайтесь, отрекитесь от него! Знайте, есть царство, оно близко, оно в вас утонуло. Покайтесь! Пусть вы не ощущаете ещё этого царства, но вы должны знать о нём, знать и верить, что сейчас мы живем не как люди Божии, а как разбитые сосуды. Но Бог хочет, чтобы мы

срослись, золотым песком он склеит нас и вольет новую жизнь в Своих чад. Отрекитесь от этой жизни — и вам будет дарована новая! Ваша жажда этой новой жизни пусть прорастает уже сейчас, пусть здесь она уменьшит злобу, жестокость, властолюбие. Вся леность души пусть разгонится вашим умом, который будет вождем в пустыне, стражем пред врагом.

Кто вопиет в пустыне нашего сердца? Кто жаждет нашего спасения больше нас самих, ибо мы не видим ни нашей тьмы, ни пустыни, — но Бог жаждет спасти своё чадо, «Бог наш, Бог спасати». Приложим свою жажду к Его святой воле, отворим ему врата нашего сожжённого, разрушенного града, освободим пути, прямыми сделаем стези Ему!

Но какой плод может принести ваше покаяние, ваше понимание царства? Пусть осветившийся жаждой ум, остановит руку расхищающую, разящую, руку крадущую; пусть посетивший царство ум пресечёт клевету языка и хитрость сердца! Что вам делать? То, что вы бы делали в царстве. Учитесь быть царями у Царя! Сейчас это — вера, но придёт Царь и дарует вам эту благодать сыновства. Но кто не верит, что он сын, сыном — не станет!

Даровано нам сыновство, но не один живет человек на свете: брат его, частица его, не принял благовестия — и принявший остаётся с ним до исхода, и в этом его Божия скорбь в мире, его проснувшаяся и уже не неусыпаемая любовь.

7 июля 2019

Камень вбирает соль и жир,
 слезы и пот.

Камень лежит, камень летит,
 камень поет.

Один из таких больших камней —
 у моего порога.

Спиною кругл, брюхом плоск,
В середине — дыра-дорога.

Куда? Во ад ли, в глубь ли души?
Муравьиной цепочки дрожь...
Камень никогда не спешит,
А было их два всё ж.

Краеугольным не стал второй,
Разбили и унесли.
А этот весь деревенский вой
Помнит, его не спасли,

Его забыли на много лет.
Потом забыли хозяина след,
Забылся родник под горой,

И утро вставало совсем налегке,
И ношу веков он держал в кулаке,
Свидетель живой-неживой.

Священное время свернулось клубком.
Что, камень, тревога?
 Закрылся цветком.

22 августа 2019

УМЕРЛА СТОЛЕТНЯЯ

Умерла столетняя, и никто не вздохнул с облегчением, ни дочь, ходившая за ней днём и ночью, ни внуки-правнуки, которым приходилось ютиться в маленькой проходной комнате, ни соседка — никто. После кладбища старшие втиснулись за дедов стол, молодые накрыли себе в соседней проходной комнатке — и поминали маму, бабушку, сестру, тетку, соседку. Не плакали и не сожалели, понятно, что жить она подустала, хотя и не болела сильно: лежала всего три дня, со среды до субботы, а вечером под воскресенье тихо за несколько часов, сама сходя на двор, закрыла глаза и — просто перестала дышать.

В гробу лежала светлая, без морщин, казалась моложе своей дочери, которая стояла рядом и неотрывно на неё глядела. Действительно прожила сто два года, пережив все выпавшие России войны: гражданскую, финскую, с немцами, японскую и новую — чеченскую. Похоронила брата, мужа, вернувшегося с войны, но прожившего меньше года, сына, принесшего из армии болезнь почек, внука, красавца, который перешёл дорогу каким-то местным бандитам и оставил после себя красавицу жену и дочь, выросшую в его стать.

Все они вот собрались провожать бабу, не очень-то понимая, что за Царство небесное обещает священник и зачем надо молиться о ней, — уходила часть их жизни, нарождалась новая. Конечно, неприятно было видеть жёлтые ватные руки, в которые бабушка совала нужную молитву, но лик бабы Лиды был так спокоен и так сиял живой кожей, что все это воспринималось как какой-то новый порядок вещей — и не вызывало ни протеста, ни скорби.

У Куросавы в фильме «Сны» последняя киноновелла как раз о похоронах столетней. Похоронная процессия движется по краю реки с бубнами и красными лентами, молодые танцовщицы скачут, юноши бьют в барабаны — больше похоже на свадьбу, на продолжение жизни, а не на её конец. Старик наряжается, берёт бубенцы и догоняет процессию — это хоронят его возлюбленную, которая его отвергла и, прожив жизнь с другим, вот теперь уходит от них всех. Печально, когда хороним молодых, говорит он, прерывается жизнь, а тут чаша испита, конец — благо.

Со смертью младенца действительно нельзя примириться, кажется, жизнь останавливается во всей Вселенной, солнце не взойдет больше, скорбь рвет грудь, душа отказывается повиноваться уму. А в смерти старого открывается новая правда о жизни, красными лентами японской ритуальной пляски взвихрен воздух, бьют мудрые бубны, трубят трубы, расстается душа

с уставшим телом, летит в небо, кажется, и след её виден, тень ли звука, дымка ли?..

У нас не пляшут и не поют на похоронах, и не чокаются, но за столом в этот раз мы «сидели дружелюбно», как потом, сама удивляясь, будет вспоминать дочь умершей. Не веселье, а какое-то глубинное радование соединяло всех.

Такое же чудо радости мы испытали на отпевании убитого в храме священника. Это было несколько лет назад. Я знала многих в этом приходе, потому и утверждаю, не я одна переживала радость, певчие со смущением говорили, что им было почему-то легко, весело, хотелось даже смеяться — они восприняли это как искушение, грех, пока не узнали, что у других так же.

Храм был завален цветами, многочисленная молодая паства, воспитанная в духе миссионерского служения, не пылала ненавистью к убийце, хотя кровь еще угадывалась на полу; глубоко-кая светлая тишина стояла в храме, она не исчезла и во время пения, это была тишина другой, новой, жизни — и все обратились к ней. Священник был не стар, и, как отец дает последний наказ детям, открывает хранимые родом тайны, так он своим уходом удостоверил то, чему учил. Отворенные царские врата, столько раз виденные нами, сейчас на самом деле приблизили к нам Царство небесное, мы соприкоснулись с реальностью Вечной жизни. И это было не слово, а опыт наших чувств: счастьем наполни-

лась душа, каждый почувствовал себя любимым и способным любить, отчужденность исчезла.

Также и на похоронах столетней. О Боге, кроме ба- тышки в храме, никто не говорил, разве что один сладкоречивый племянник, выпускник богословского института. Его молча вытерпели — и опять налили, чтобы всем хватило сил служить жизни: трудом, пахотой, огородом, заводом, который ещё жив, теплицами, сооружением мостков соседке... Держать жизнь, как ребёнка на груди, — вот вера народа. Её так просто из него не выбить. Русская церковь крепка не этой ли верой народа в жизнь, не этим ли его молчанием о сокровенном, священном, нежеланием дробить правду, добро на слова знания?..

У замечательной поэтессы Наталии Леонидовой есть одна маленькая точная зарисовка: в метро бабулька обращается к чи-тающей церковную книгу женщине: «Про Бога читаешь, дочка? Он велел детей не бросать и старым помогать». Вот и вся русская сумма богословия! Богословие жизни: не благоустройство ее, а со-хранение ее бытия. Ибо жизнь тоже живет и тоже умирает, когда мы перестаем ее охранять. Потому и смерть человека, его уход, народ воспринимает как жизнь, может быть, как самую важную ее часть, как призыв к ее умножению и славе.

Жизнь любить — не жить любить,
И умереть прикажет,
А всё будет радовать, солнцем слепить,
Бога во всём покажет.

ПРОЩАНИЕ

Я тебя, как мертвую малышку,
Садом августовским пронесу.
Всё, черешенка, мы дали лишку,
Жизнь свернула свою нежную красу.

Вот он ствол твой, весь в грибке и гнили,
А еще ведь молода.
Как тебя о жизни ни просили,
Не жилось: с хозяином беда.

Ты с ним разделяла скорбь и думы,
Знаменуя отступлений ход.
Разнесло вас, годы шли угрюмо
Ты боролась за него — и вот

Задохнулась вся в цвету и боли
Дымом съедена, его неволей.

24 авг. 2019

СОЙКА

Сойка устроила гнездо в углу под крышей между террасой и до-мом. Отыскали мы его, когда заметили, что она как-то уж слишком целенаправленно летает, стали присматриваться — и вот оно! Торчат прутьики и ее хвост. Без мамы птенцы молчали, а вот при её приближении поднимался такой гам и, главное, были видны разинутые желтые клювики. Сколько их там, сосчитать не удавалось, хвостом она все загораживала. Радостно было наблюдать эти стремительные её полёты, и то, как она каждый раз сначала присаживалась на ветку дуба, я, мол, сюда просто так, без всякой надобности, и только потом, когда удостоверится, что никакой опасности нет, тогда — к своим.

А ведь целый месяц мы возились во дворе! Корчевали сухие кусты, привозили доски, брус, убрали их... птиц — как и не было вовсе, а уж птенцов в доме точно никто не мог заподозрить, полная тишина. И вот на тебе, оказывается, они были, но до поры сидели тихо.

Но вот настало время, когда птенцы стали самостоятельно выглядывать из гнезда — тут мы увидели, что их трое. Они распушились, вертели головами и вытягивали шеи, ожидая корма. Крупные, скоро должны вылетать —

а куда? Гнездо высоко, метра три, а внизу — бетонная отмостка у дома, падать будут — разобьются. Постелила внизу мешковину.

И на следующий же день, слышу возгласы, шум возле дуба — пронзительно кричит сойка, громко, резко, как пилит воздух, и пикирует, пикирует с поворотом. Подбегаю — ну вот он, голубчик! Действительно голубоглазый, с голубыми крыльями, крутит головой, озирается, прыгает, а взлететь не может. Эх, мамаша, что же ты своего ребёнка летать не научила, тут же кошки, и не одна!

Как его обезопасить? Приближаешься — он отскакивает, протягиваешь руку — кричит и прыг-прыг по земле, по кирпичам — к забору. Она поняла, что его хотят поймать, и кружит над головой, бьет крыльями, кричит истошно. Призвали внука, надели шляпы, чтобы ненароком не клюнул золотой петушок — и ловим, спасаем глупыша. Но в самый подходящий для хватания момент юный ловец вдруг растерялся, птенец так агрессивно раскрывал свой клюв — не дамся, заклюю всех! Птицелов по неопытности и отступил, а птенец юркнул в дырку в заборе — и уже на соседской территории, нам недоступен.

Там его встретил Грозный. Недоуменно покачав большой глупой головой, он не сразу понял, кто это и почему сидит на его бункере с песком, но интереса у пса птенец не вызвал. Соседей дома не было, и пришлось оставить

птенца на волю судьбы. И она оказалась к нему благосклонна.

Утром соседка подняла хай:

— У меня дел невпроворот, а тут этот птенец, что мне с ним делать?! Кошки вокруг!

— Это наш, — говорю, — он из гнезда выпал, сейчас заберу.

Дверь между усадьбами никак не открывалась, пришлось бежать через улицу — успею ли?

— Где он?

— Да вот в траве, а тут кошка караулит, забирай скорей Хри-стом Богом!

Действительно сидит. Как-то пережил ночь, ни коты, ни пес Грозный его не тронули. Взяла: голубой глаз погрустнел, сам весь взъерошен, но вырывается, недоволен. Ну, пойдём, летун, раз выжили!

Посадила его в клетку, которая осталась от какого-то очередного увлечения детей, он кричит, мамка, естественно, тут как тут. Оставила дверцу клетки открытой, и надо его ведь чем-то кормить, вид у него после ночи стал не такой бодрый, как вчера, натерпелся, видимо, страха.

Сначала пробовала давать размоченный хлеб, который выставила дня два назад для синиц, а как ему клюв-то разомкнуть? Он его раскрыв, дышит тяжело, то ли жарко, то ли отходить собрался? А как хлеб подношу, клюв закрывается, и голубой глаз смотрит остро и твердо — ни за что! А сам такой красивый, голубые в поло-

ску бока, и когда крыло расправляет, оно на просвет сияет, как будто небо через него проходит.

Не ест. Решила поить, без воды, думаю, хуже, чем без еды. Опускаю пальцы в воду, а потом держу палец ему над клювом — раскрыл! Капля упала ему прямо в горло, а там, оказывается, ещё остренький такой розовый язычок. Одна капля, вторая, пьёт и вытягивает шею — ну будет жить! Но на ножках стоит нетвердо, точнее, совсем не стоит, а всё ложится на брюшко — ослабел.

Вспомнила, что цыплят мы с бабушкой кормили варёным яйцом — сварила, порубила, но опять проблема, как ему в клюв это положить, сам он еще не клюёт. Приноровилась его по клювику сбоку постукивать — открывай, мол, рот, открывай! И открыл! Теперь главное, надо попасть точно, ну, какой-то кусок попал, какой мимо упал, — а считай, поела птица, запили капельками воды — и порядок!

Ну, думаю, давай учиться летать, ты ведь для этого из гнезда выпал. Беру его половчей снизу, а он вцепился коготками в мою руку, подбрасываю его, он крылья инстинктивно расправляет, трепещет весь, а руку мою не отпускает, боится. Ещё, ещё — вот и отпустил. Так ребёнка подбрасывают — расти, расти! Полетели, ну теперь в клетку, а он не очень-то туда теперь и идёт, прижался к моей груди, футболка у меня синяя, пестрая, как у его мамы крыло. Нет, думаю, иди в клетку, может, она сама к тебе прилетит, твоя настоящая мамаша.

Тут мне пришла мысль соорудить ему гнездо из корзины, во-первых, открыто сверху, и она может беспрепятственно сесть, а во-вторых, на край корзины можно встать и махать крыльями, тренировать мышцы, что ему и нужно. Корзина нашлась, подвесила ее на крюк, так как Мурзик то ли из ревности, то ли по своему природному инстинкту вдруг активизировался, взобрался на яблоню, глаза горят, и вообще, куда делся его флегматизм — весь пружинистый, гибкий, крадется по ветвям в означенном направлении. Корзину подвесили на крюк, чтобы ловкой кошачьей лапой её было не достать - но если прыгнет, конечно, достанет.

Надо сказать, что тут случилось пополнение. Вновь кричит соседка: «Опять этот птенец, возьми его, наконец, нам некогда, или его собака съест!» Иду, действительно сидит сойчонок, но другой, вид и, главное, характер у него совсем не такой, как у моего дружка. Выходит, они все выпали, про третьего ничего не знаем, а это, видимо, второй. Посадили его сначала в клетку, чтоб не улетел, а потом, в корзину к брату. Они сели на бортики по разные стороны и так приготовились жить дальше.

Этот второй был совсем, совсем другой. Во всем его облике сквозила такая грусть, печаль, что хотелось чем-то ему да помочь, но чем? От воды и еды он отказывался категорически, просто не поворачивал головы, в руки совсем не давался и так сидел маленьким оби-

женным истуканом. Сойка периодически прилетала, кружила, кричала и опять исчезала за речкой. И что интересно, птенцов своих она звала совершенно другим голосом. Это был не тот пронзительный крик, разрезающий воздух как пилой, какой мы все знаем, а лёгкое курлыкание, колыбельные звуки: тью-тью-тью, тию-тию-тью-тью. И ещё был один у неё зов, тоже нежный — шёпот сердца. (Так у Фета начиналось его знаменитое стихотворение в первой редакции; потом стих подправили — и стало: «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...»).

Когда сойка начинала на соседней яблоне так звать птенцов, я думала, они непременно откликнутся, даже подзадоривала своего: ну, ответь маме, ответь! Но они оба молчали, и только, когда я брала их в руки (второй, впрочем, вообще не давался), когда брала первого, оба начинали кричать, выражая свой протест. Она их слышала, волновалась, кружила, но чужая — живы!

Подкрадывался вечер, птицам пора было спать, они и так пересидели со всем этим переселением — вот они и стали задрёмывать. Мой приспособился на борту корзины, свернулся в клубок и закрыл глаза, а его брат, как сторожевой, долго стоял столбиком с другой стороны и через какое-то время, смотрю — нет его, исчез. Заглянула в корзину: может, свалился, или внизу угнездился? Нет. Наверное, сойка его забрала, вечером она кружила неподалёку и, видимо, короткими перелётами довела его до клёна, в листву которого сама с криком

не раз ныряла. А мой сойчонок (подходила к нему совсем уже ночью), запустил голову себе в пух и так дымчатым комочком в корзине и ночевал. Сохрани, Господь, птенца! — все, что я могла сказать.

Утром его на корзине не было. И хлеб внутри, и вода — всё на месте, а его нет. И вдруг сойчиный крик, но слабый. Поднимаю голову — вот он на яблоне ветке! Молодец, научился летать, ну покажи! Перелетел на другую яблоню, да далеко, не рассчитал немножко, рухнул в траву. Ну, ничего, давай кашу есть, у нас сварена тройная гречнево-кукурузно-пшеничная каша. Протягиваю руку, а он её клювом щиплет за палец. Прилепляю кашу к пальцу, щиплет за другой, прилепляю к другому, щиплет за третий. Целует, что ли? Взяла в руки, открывает клюв почти послушно, и каша прошла на ура, я даже разволновалась — не слишком ли много съел? Запили свежей водой из колодца — ну теперь давай тренироваться летать. Подбрасываю его, крылья уже расправляются свободно, широко, и коготками своими за руку не держится — летаем, летаем, летаем! Сел гордый на ветку, перелетел на серебристый тополь на обрыве, а с него долгий перелет на высоченный тройной тополище, ох, когда этот упадёт, всю загородку поломаёт. Лети, малыш! Голубоглазый, лети!

На следующее утро их уже никого не было, ни на дубе, ни на клёне, ни на яблоне. Правда, сойчиные крики раздавались, но где-то далеко. А вот сейчас вдруг

прилетела мама, села на сухую яблоню, которую после пожара все никак не соберутся спилить, картинно вписалась среди ветвей в голубое небо, ничего не сказала, посидела-посидела и тихонечко незаметно улетела. Поблагодарила, стало быть, значит — всё в порядке.

И теперь, когда вижу, как на бреющем полете низко стремительно несется сойка, замирает сердце — мой?!

Июль 2019

Торит небесный путь железная птица,
Чуть погода — другая наперерез.
Облачный крест начинает в сини светиться,
Нового неба звезда видна окрест.

Так ли Господь облака согнал Константину,
Зажегши края их рассветно-закатным огнём,
Чтоб видели крест, что вручил Он любимому Сыну,
Человеческой смертью умершему на нём.

И вечность расселась, приняв человечества роды,
Воскресшие вместе с любовью — и навсегда.
Торит креста колесница земли и годы,
Кличет людей: «Забывшие имя, сюда!»

9 сент. 2019

ЭХ, ДОРОГИ...

На Курском почему хорошо выходить, потому что там есть большой круглый вестибюль при переходе с кольцевой на радиальную, настоящая грановитая палата с одним столпом, а вокруг замечательное пространство, просто площадь, но крытая. Там всегда музыканты. Это понятно — настоящий круглый концертный зал, правда, микрофон всё-таки нужен: эскалаторы едут, люди мчатся, пока не услышат, не повернут голову, не замедлят ход. Эстрада эта возникла сама собой, но по духу место оказалось какое-то очень русское и даже советское, нет никакой разделенности: вот он артист, а вот ты стоишь, а эти вот идут, куда им надо — и все под одной крышей, в одном зале.

Поднимаясь по эскалатору, слышу Адамó, такая знакомая мелодия и такая утешительная. Начинаешь и подпевать, и как-то воскресать сердцем, ему ведь сейчас трудно, не то что нам, ему все пережить не удаётся, что-то оно архивирует не глядя, что-то откладывает на потом, а к чему-то припадает и начинает пить, пить — звуки, краски, лица бывают очень вдохновляющие. В общем, сердце ищет, чем ему поживиться. И Адамó с его позапрошлой общечеловеческой нежностью попал се-

годня в точку. Но и голос у исполнителя хорош, настоящий драматический тенор, и звук он держит, и ритм не плавает. А вот и он сам — молодой, кра-сивый, темная куртка, джинсы, да, пожалуй, профессионал. Но вот что удивительно, по манере исполнения он немного напоминает Муслима Магомаева, а по возрасту тот никак не мог стать его кумиром и учителем. Но этот так же отклоняется чуть назад и влево на высоких позиционных нотах, и даже рот так же чуть-чуть скашивается, — в общем, знакомая школа. Голос у певца сильный, бархатисто-раскатистый — увлекает, начинаешь дышать вместе с ним.

Как-то в юности я один раз случайно попала на концерт Магомаева, он был соединён с Голубой рапсодией Гершвина, решила вживую послушать то, что так въелось с пленок, а Магомаев был в первом отделении. Как же меня поразила тамошняя публика! Это были группы невзрачных девочек с огромными дорогими букетами, все друг друга знали, сидели, переглядываясь и взрываясь после каждой песни бурными овациями, которые меня поначалу даже шокировали. Это была совсем особенная публика, даже не скажешь, что любители музыки, но яростные обожатели певца. Все в них было странно, и главное, какая-то очевидная несвобода связывала их. Я в их среде была и чужой и чуждой, но, по-моему, не очень им мешала, они срывались с места, как кошки, и буквально бросались к певцу после каждой песни, но сцена была высока, и он оставался цел.

Где это было? Да чуть ли не в Колонном зале на Пушкинской, пожалуй, там. Они стлались травой, а он мило-стиво принимал все эти букеты, — и была разительная дистанция между его красотой и вальяжностью и их рабством, суетой и неприглядностью. Вообще столько дурнушек вместе я никогда не видела, да еще с дорогими букетами, да еще истово аплодирующих, возбужденных. Но закончилось первое от-деление, и они все разом пропали, зал вошел в свою музыкальную норму. Зазвучал русский Гершвин. Как мы любим всё за всех делать сами, другой нам не очень-то интересен, надо найти, насколько он — ты, даже не наш, а именно ты, ибо ты должен уместиться в нем, тогда станет — и наш, и люблю, и понимаю.

Адамó перешёл в «Безымянную высоту». И тут тоже все было хорошо, голос справлялся со всеми низами и синкопами, и конечно, слова были обращены к залу совсем по-другому. Это были не французские языковые приятности, а живые образы тех ребят, которые у каждого в памяти: одни — во дворе, другие — на фотографиях дома, третьи — тайно в глубине сердца, где мечта. Война последнее прибежище русской души, души народа, которому сегодня больше жить нечем. Ребята моих давно минувших лет — это наше не прошлое, а настоящее, мы на этой безымянной высоте всегда пребываем, сегодня — особенно. И весь этот круглый зал, не разделенный ни сценой, ни одеждой артиста, никаким его

актерством, игровой интонацией, — зал сросся в какой-то общей русской правде — мы стали народом.

Многие снимали, записывали на телефон: вот девушки со-всем близко подошли к певцу, им хочется, чтобы его красивое лицо вышло крупнее, а вот два солидных мужичка стоят, седые, просто хорошо молчат. Бабки справа лезут всем в кадр, тоже со свои-ми телефонами, а у колонны парень на полу сидит. Но она же не колонна, а столп, каменный фонтан, вокруг — старомодная вазон-ная ложбинка, вот он туда попросту, как в кресло, и сел. Но что-то в фигуре сидящего настораживает, какое-то несоответствие молодости, скорби, дорогой одежды и общей никомуненужности. Лицо его вздрагивает, глаза почти плачут, и сам он будто трепещет весь. Бездомный? Нет, не бомж, куртка какая замечательная, светлая кожа с настоящим песочным цигейковым воротником, а к рукаву и под капюшоном, она показывает свой голубой хлопковый испод.

Очень молодой, чтобы вспоминать армейских товарищей. Жмет, крутит руки, уж очень грязны джинсы, даже для моды мно-говато, и покачивает, покачивает так головой, вроде сетует на что, сожалеет. Не горюй! Ну, что у тебя стряслось? Кого вспомнил? Или обманули? Обокрали, побили? Лицо не тронута, но вся поза и сжатые руки выдают мучение, сердечное ли, физическое? И вдруг догадка — не наркотики ли? Молодой очень, надышался, нанюхался, накурился? Ослаб!

Эх дороги! Бабки вымолили у певца свою песню. Он затянул, а она ему оказалась тяжела и неудобна, и ритм держать трудно, да он и не такой простой в ней. Города, тревоги, да степной бурьян... Парень у колонны будто в этом бурьяне и сидит, хотя камень вокруг, а ощущение его полной изолированности, потерянности среди людей. Чем помочь?! Домой взять? Кто? Откуда? Что его сразило? Такой же вот, ну чуть постарше, поёт: «А дорога дальше мчится, пылится, клубится...», — а у этого, похоже, никаких дорог нет. Да что это я! Молодой, как нет дорог?! Может, просто пьян немного, ну развезло, а тут ещё песня, расчувствовался... Чем помочь? Почему боюсь подойти, стою-то рядом, в 2-х метрах. «Чужая земля-я...»

Те два степенных седых мужа тоже посматривают на сидящего, или я своим пристальным вниманием их втянула? На одном поэтическом вечере несколько лет назад известная поэтесса читала стихи в Пасхальную неделю. Врезался конец одного: будто они выходят из вагона метро после ночной пасхальной службы, а тут на платформе какой-то мужичок пьяненький присел на урну, и весь их пасхальный пыл на этого горемыку обрушился презрением. Нет, они же культурные люди, ничего не сказали, но стих заканчивается убийственно: вначале что-то вроде вопроса ему: «Попраздновали?», последнее: «Мы — тоже». Вот это «мы тоже» помню отчётливо, оно-то и вонзилось, и начало мучить. Хотелось

встать, выкрикнуть «какая немилость к падшим!», но зал был очень подбострастно настроен: поэтессу знали, считали выдающейся выразительницей российской культуры, были и знакомые.

Не встала, не крикнула, соблюла приличия. Потом в гардеробе встретила кого-то из своих знакомых или учеников, вот на них всё и вылила. «А может быть, мы не всё поняли? Или не так поняли, как она задумала?». Культурное «мы», а не «вы», чтобы не обидеть, не задеть случайно самолюбие собеседника — как мы привыкли его щадить, и у себя, и у других! Нет, поняла, даже слишком поняла, услышала и почувствовала ту спесивую брезгливость, которая сейчас выращается якобы как высокий вкус, как разборчивость чести. А по сути, она — акт социального расизма, ну разве с долей ни к чему не обязывающего приличествующего культуре сожаления. Удивительно, и как это всё прижилось у — нас, как активно стали возрождать барство, учиться его словам, позам, его пошлости, самодовольству!

Почему не могу подойти к парню? Сердце рвётся обнять, утешить — что же не пускает? Мы отвыкли от локтя, от голоса соседа, нас совсем отучили от общности, будто пропасть разверзается между людьми, даже близкими: дочь ненавидит мать, сын избегает отца. Но ведь в этом была сила наша — радовались друг другу. Живи, живи! Так всем говорил при прощании один

непутевый монах... Не отпустили его дружки, не успел к Богу как следует прилепиться, обрубить веревки страстей... А душа была незлобивая, всех любил. Эх, дороги!

Длинная какая эта песня, оказывается! А певец и не знает, наверное, что не справляется с ней. Вдруг какой-то мужчина, грузный, с палочкой, подходит к моему сидельцу, наклоняется, что-то спрашивает, видно, не с укором, по-доброму. Парень качает головой, ничего, мол, не надо, спасибо. Мужчина не сразу отошел, на пакет показывает рукой, который у ног парня, тот все молчит головой — не надо ни-че-го. Отец отстал, сам еле ходит. Почему-то страдающие больше способны жалеть, чем благополучные.

Ну, тут и я осмелела, шагнула и на голову в чёрной вязаной шапке положила свою руку. Он повернул ко мне лицо, мальчик совсем, глажу по голове, по щеке, а она гладкая, как у девушки, борода ещё только пробивается. И глаза у него голубые-голубые, и сияют, и плачут одновременно. Что в них? Не знаю, знаю, чего в них нет — нет судьбы. Начал медленно улыбаться, тянуть рот, заискрились эти детские всепуганные глаза - улыбнулся. Куда же подевалась жизнь в нем?! Что её съело, что разрушило крепость русской юности? Без судьбы... Все слова разбежались, как люди, только эта извиняющаяся, скорбная полуулыбка мальчика на моей руке так и осталась. Эх, дороги...

Дек. 2019

Мы живы, а дороги нет.
А ведь была дорога!
По ней ходили много лет,
От отчего порога

За речку влево, через луг
К черёмухам и липам,
Она вела, как верный друг,
Напевом неизбитым.

Срывался левый край в овраг,
Где хмелевы тенета,
А справа лился поля флаг
Из каждого просвета.

Аллея поднималась ввысь,
И мы по ней вперед рвались.

И вот он яблоневоый сад,
Совхозные уголья,
За ним прудков отстойных ряд
В угоду плодородью.

Хозяйским глазом и рукой
Все прибрано умело.
Не этот ли земли покой
Был мерой слов и дела?

Здесь видно далеко с бугра,
Деревня на ладони,
Тропинки прячутся с утра
В холмах, как на иконе.

Вот глинобитная петля,
Большак к селу другому...
Мы жили, и жила земля,
Жила от дома к дому!

Как нужен был ей сей союз
Неравный и неверный,
Сейчас узнали... Но, боюсь,
Не одолеть нам скверны

Предательства родной земли,
Наук, заводов, пашен —
Как уберечь мы не смогли?!
Иль Божий Суд не страшен?

4 июля 2018

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ

Вместо некролога

Сейчас не пахнет порохом, тогда же
Москва сама стреляла в своё сердце,
В своих детей, сынов и дочерей,
В святую юность, жаждущую правды.
Как обезумевшая Грета, шла по трупам,
Устремлена в грядущее «ничто».

Чужих искали все среди своих,
Анафеме за первый выстрел предавали,
И комендантский час открыл врата
Преступной бойне.
Догнать бегущего! И спрятавшегося — найти!
Чтобы свидетелей, свидетелей поменьше!

Мужи стояли, онемев, у дома.
Прикрыв щитом,
Туда меня мальчишка,
Железною обвив рукою —
«Бежим рывками!» — приказал, —
Из-под обстрела вывел.

Не холостыми по нам стреляли!
Там с пулевым ранением в живот
Мужчину мне на руки положили,
Громадный, белый, зубы сжал...
Врача! Врача!

Летала «Скорая», как ястребок, всюду,
А раненых, что были, не брала.
Английской речи возгласы откуда?
Не из неё ль?..
Командным резким тоном?..

За будкой нашей вентиляционной,
Мы сгрудились в недоуменье — не бойцы,
Но граждане одной, родной державы.
Кровавое то было воскресенье.
Кровавое, но не для всех.

С участков дачники под вечер возвращались,
Сняв рюкзаки, в троллейбусе дремали.
Но лужица калинового сока
Казалась кровью нам. Они же,
Пожав плечами, покачали головой —
Рехнулись что ли?

Так и пошло — рехнулись!
Друг друга мы не понимали,
Нигде, ни на орущих площадях,
Ни в телешоу, —
Кровь не взывала к сердцу.

Как морок опустился на Москву,
Народ оглох, предав себя проклятью.
Святые замолчали. Дикий страх
Вошел в дома и поселился в душах,
Открыв дорогу лжи.
Вот первый акт.

Окт. 2018

МАВРОДИ, МАВРОДИ

В библиотеке мне передали две книги по искусству, обе большого формата, с иллюстрациями. После занятия о Сергии Радонежским, после вопросов, дороги домой, чая — решила посмотреть книги получше. Первая — В.Н. Лазарев «Византийское и древнерусское искусство», статьи, выпущенные уже после смерти учителя его учениками. Все родное от формата до языка. Вторая книга огромная «Византийское искусство», автор А.В. Банк. Ничего не знаю, начала читать, листать. Иллюстрации замечательные, цвет, формат... и вдруг банкнота между листов. Большая красивая иссиня голубая с богатым рисунком и чёткой печатью — немецкая марка 1914 г. Вот это да! Первая мировая война! Беру лупу, рассматриваются подписи, номера, все достоверное, убедительное. И на ощупь банкнота воспринимается как ценная вещь, хранящая своё достоинство в 5 марок вот уже больше века.

Листаю дальше, византийское искусство большое, здесь есть не только иконы, но и резьба по кости, эмали. Опять банкнота, неизвестная, какой-то «сум» с многими нулями. Дальше находятся гривны, белорусские рубли-зайчики (действительно с зайцем), наши старые рубли

маленькие, трёшки, пятерки. Ох, как они, оказываются, помнятся! И вдруг узенькая зелёная полоска — доллары! Сколько же нулей? Шесть! Миллион! Вот и надпись million dollars. Наверное, фальшивка, подделка, что-то уж она больно дохленькая какая-то, не плотная. Но что-то внутри всё же как-то гаденько ёкнуло, да их же ещё и две — два миллиона долларов!

Листаю дальше — билеты Мавроди! Никогда не видела, МММ, какая-то там была афера. Билеты с его портретом, один, два, вот билет с достоинством 20, а вот 1000. На портрете откровенный проходимец. Чтобы вот так добровольно начать с ним играть, надо впасть в большую глупость или подлость, ясно, что никакой чести нет ни у самого затейщика дела, ни у его сотоварищей. А вот на тебе — купил человек билет, и не один, и вот они рядом с фальшивыми миллионами, немецкими марками и прочей валютой — какая честь жулику!

Дальше попались два настоящих доллара достоинством по 1. Точно, настоящие, а суммы оказались узбекскими, и все времён перестройки, 1997, 2003. Марок много, есть и 1910 г. неясно, настоящая или нет, может, и настоящая, уж очень благородно лежит в руке, а есть и совсем маленькие простенькие марки, меньше нашего жёлтого рубля.

Деньги, деньги. Это остатки от поездок, или все-таки коллекция? А 1914 г.? Или авантюра? Разыграть кого-то с миллионом долларов решили — удалось ли?

А узбекские? Может, работник, как сейчас говорят, гастарбайтер? И надули его на всех этих нулях? Но «Византийское искусство» причём тут? В библиотеку разные книги приносят, эти явно от людей, без штампа, но вот с такой историей...

И все же владелец этой «коллекции» себя раскрыл, раскрыл свою неискренность в мошенничестве и одновременно показал, что не прочь был пожить, если удастся. А география? Беларусь, Украина, Россия, Узбекистан, марки... Нет, наверное, это все-таки сезонщик-узбек, которого помотало по славянским краям, клюнул на Мавроди, соблазнили спекулировать на старых дойч-марках... Но «Византийское искусство»? Может, жена? Женился тут на культурной. Нет, с искусством что-то не так. Все-таки наш, наверное, москвич, перестроечник, а узбек, наверное, у него на даче работал? Или нет, он просто на экскурсию в Самарканд ездил или в Бухару, культурный же человек, у Византии тоже контакты с Бухарой были.

Миллионные купюры Америка не выпускала вообще, а вот стотысячные были с большой защитой, но как-то быстро их вывели из употребления, а эти миллионные оказывается законные, они просто «сувенирные банкноты» называются — Google всё разъяснил.

Вспомнился мне эпизод в церкви Петра и Павла на Новой Басманной. Это был год 94–95-й, уже после расстрела Верховного Совета. Храм открыт, захожу, никогда

в нем не была, на втором этаже устроен свечной прилавок. Оглядываюсь, рассматриваю архитектуру, интерьер. Храм снаружи всегда вызывал досаду, занимался бы ты, император, своим делом, не лез бы в искусство, часто думалось: всё в пропорциях храма не так, всё хочется перекрыть, подправить. А каков он изнутри — не знаю, вот и решила полюбопытствовать.

Слышу разговор у ящика, оглядываюсь, трое или четверо молодых людей, все в чёрном, с резкими татуировками, одна — девушка. Сатанисты? Тогда о них только начали говорить. «Мы хотим пожертвовать деньги на храм, но вот у нас только крупные доллары, сдачу дать можете?» — «Конечно, — выгребает мамаша все деньги из своей кассы — у меня только вот столько, хватит?» — «Ладно, давай столько». Я вышла, как-то не смотрелось на архитектуру в таком обществе, что-то они с собой принесли чужое, чуждое...

Замешкалась у храма, то ли решетку кованую разглядывала, то ли ещё что, не помню. Вышли молодые, видела боковым зрением, и куда-то сразу исчезли, в переулок ли, на троллейбусе ли уехали... И вдруг вопль истошный: «Батюшки! Да где же они? Да как же! Вы не видели?» — «А что такое?» — «Да вот они деньги дали фальшивые, а я им всю кассу в сдачу отдала». Не видела она никогда долларов, в руках не держала, и рублей-то сотню раньше не мяла, небось, как ей различить, настоящие или нет. Да и в храме, разве будут обманывать,

кто ж посмеет? А вот посмели. Молодые, уверенные, сильные, за ними — будущее, думали...

Сколько им сейчас, сорок? Здесь ли, или укатили в «долларовую малину»? «Батюшка пришёл, я ему говорю, вот молодые люди доллары пожертвовали, видите. Он взял — бумажка, говорит, как же ты сама-то не поняла?! Это подделка! А я, где мне!..»

Мавроди, Мавроди, одних ты соблазнил играть, других раззадорил мошенничать, третьих обратил в волков. И волчьи стаи когда теперь выведутся в русском поле, да и как?! Византийский «Добрый пастырь» нефритовой своей стопой попирает зелёный фантик с шестью нулями, а четыре капитана золотого континента, изображенные на обороте, изогнулись и как будто «жалют Его в пятую» (Быт. 3,15). Вот такая коллекция.

14 ноября 2019

Москва горит. И если при французах
Пылали наши терема,
Теперь, когда душа и сердце в узах,
Сгорает жизнь сама.

Источен рода драгоценный камень,
Как шар бильярдный в лузу, гоним кровь.
Не долг земле, не страсти пламень —
Игра, чтоб не скучать... игра в любовь.

И материнство, тайна Божьей воли,
Разъято выгодой нужды.
Дитя рождается уже в неволе:
В одних играют, а другие не нужны.

Другие — вот рубеж, что разделяет мир:
Не мой отец и брат, мать — не моя,
Но — мой доменный дом, бизнес-кумир!
Где сладко, там и я, моя земля.

Авг. 2019

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРАВКИ

Несколько лет слово «песок» стояло там,
где должно быть «поясок».
«Эту гибчайшую сладкую силу
Как ей обрамить в труд-поясок?»
Из книги «Так горяча»

Согласных звуков каменная рать
Сомкнулась вдруг, просвета не видать!
Побегали две гласные вокруг,
Пристали как-то на испуг,
И дальше потекла строка,
И не чужда, и не строга.

Но смысла ищет ум,
От речи правды ждём —
Звук верен здесь, угадан жизни шум,
Но слова, слова как-то не поймем!

Что тут поделаешь!
Закрылась сердца течь,
Ну разве... жизнь
свою подскажет речь?

Жди искушения, оно
Способно гордость победить одно.

Запнешься вдруг, забыв слова свои,
И в оговорке выйдут — Божиим!

Откуда прилетели на уста?!
Или умолкла сердца суэта?
И в тишине, как пульс, — живая дрожь:
Слова твои оттряхивают ложь...

Такое приключенье не приснится!
Так, не молчи! Не бойся ошибиться!

21 июня 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Застыли флоксы разноцветным дымом	4
Феодосий	5
Белая птица парит, кружится в небе	11
Выйдя из пустыни	13
Камень вбирает соль и жир, слезы и пот	16
Умерла столетняя	18
Прощание	22
Сойка	23
Торит небесный путь железная птица	31
Эх, дороги	32
Мы живы, а дороги нет	39
Двадцатипятилетие. Вместо некролога	41
Мавроди, мавроди	44
Москва горит	49
История одной правки	50

Сурова Людмила Васильевна

ЗЕМНОЕ – НЕБЕСНОЕ

Поэтические зарисовки 2018–2019

Авторское издание

Сайт lv-surova.ru

Редактор: Ирина Рейнова

Корректор: Елена Чесалова

Макет, верстка: Олеся Бурыкина

Тираж: 200 экз.

М. 2020